

**О ДВУХ ПОДХОДАХ В ЛИНГВИСТИКЕ (ПО ПОВОДУ НАЛИЧИЯ И
ОТСУТСТВИЯ НЕКОТОРЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ИЗОЛИРУЮЩИХ
ЯЗЫКАХ)**

Тил илиминдеги эки ыкма жөнүндө (уңгу тилдердеги кээ бир лингвистикалык бирдиктердин болушу же болбошу маселесине карата)

About two approaches in linguistics (concerning the presence and absence of some linguistic units in isolating languages)

В настоящей статье исследуется вопрос о наличии и отсутствии некоторых лингвистических единиц в изолирующих языках. Западноевропейские синологи отрицают наличие частей речи и фонем в китайском языке, российские же ученые утверждают, что эти единицы универсальны и они присущи любому языку. Рассмотрение двух подходов по данному вопросу составляет содержание этой статьи.

Ключевые слова: части речи; фонема; морфема; слог; слово; предложение.

Макалада уңгу тилдердеги кээ бир лингвистикалык бирдиктердин болушу жана болбошу жөнүндөгү маселе каралат. Батыш Европа синологдору кытай тилинде сөз түркүмдөрү жана фонемалардын жоктолуп белгилешет. Ал эми орус окумуштуулары болсо, бул универсалдуу бирдиктер жана алар бардык тилдерге мүнөздүү экендигин аныкташат. Макалада лингвистикалык бирдиктерге карата эки ыкманын болушу жөнүндө сөз болот.

Урунттуу сөздөр: сөз түркүмдөрү; фонема; морфема; муун; сөз; сүйлөм.

This article examines the presence and absence of some linguistic units in isolating languages. Western European sinologists deny the presence of parts of speech and phonemes in the Chinese language, while Russian scientists argue that these units are universal and they are inherent in any language. Consideration of the two approaches to this issue constitutes the content of this article.

Keywords: parts of speech; phoneme; morpheme; syllable; word; sentence

I. Начнем с наличия и отсутствия частей речи в изолирующих языках. Отрицают наличие частей речи в этих языках главным образом западноевропейские синологи. Привыкшие делить группировки слов по морфологическим показателям, они не обнаружили таковых в китайском языке. Этой точки зрения придерживаются или готовы придерживаться также некоторые китайские [3, №3, с.44] и российские ученые [6, с.48]. Последнее, смею думать, объясняется влиянием западноевропейской синологической литературы.

При обосновании наличия частей речи в китайском языке от «узкого морфологизма» отказался А.А. Драгунов. По его мнению, выделить классы слов вполне можно и на основании синтаксических свойств [4, с.9]. Ещё определённое высказался В.М. Солнцев: «Языков без частей речи не бывает. То, что мы называем по традиции «части речи» и что, по существу, означает классы слов с одинаковыми или по меньшей мере сходными грамматическими свойствами, действительно является обязательным атрибутом грамматической системы любого языка» [7, 218-219].

Более того, В.М. Солнцев называет ещё и другие универсалии, свойственные всем языкам, в том числе и формоизолирующим, «Изолирующие (формоизолирующие) языки имеют тот же набор единиц, что и формосвязующие языки: звуки (фонемы), слогги, морфемы, слова, словосочетания, предложения. Эти единицы универсальны. Они

присущи любому человеческому языку» [7, с.39]. По его мнению, все они должны иметь единое определение, которое необходимо для сопоставления и сравнения языков.

В.М. Солнцев тут же предлагает краткие, ёмкие и, на мой взгляд, очень точные универсальные определения для трёх основных единиц языка:

«Фонема – класс функционально тождественных и физически сходных звуков;

морфема – двусторонняя единица языка, не обладающая синтаксической самостоятельностью;

слово – двусторонняя единица языка, характеризующаяся синтаксической самостоятельностью» [7, с. 39-40].

II. О наличии и отсутствии фонем в изолирующих языках. «Выявление фонем путем сопоставления определенных, как правило, наименьших смысловых единиц – слов и морфем – обусловлено самой лингвистической сущностью фонем – служить средством построения и различения слов и их морфем» [2, с. 200]. Изолирующие языки, в частности китайский и дунганский, характеризуются четкой отграниченностью друг от друга производных слов и производных морфем, а также устойчивостью их звукового состава. Именно поэтому, кто бы что не говорил, материалы этих языков даже могут быть использованы как образцы при демонстрации процесса выявления фонем – средств построения и различения слов и их морфем. В дунганском языке, к примеру, каждый слог – это потенциальная корневая морфема, односложное слово. Слогов же существует определенное количество. Обладая устойчивым звуковым составом, они четко отличаются друг от друга. И если учесть, что все дунганские слоги открытые, что «именно слог является той своеобразной ареной, на которой только и выявляются фонологические характеристики его элементов» и что «именно в слоге СГ существуют оптимальные условия для реализации фонологически существенных признаков» [1, №1, с.35], то при названных специфических особенностях дунганского языка установление состава фонем сводится к анализу упомянутого определенного количества слогов – односложных слов. Состав фонем дунганского языка был установлен именно таким образом [5, с.56-127].

О наличии фонем в языках изолирующего типа свидетельствуют также существование системы передачи китайских слов буквами латинского алфавита и существование дунганского фонетического письма, которым дунгане Центральной Азии пользуются почти сто лет.

Наличие фонем в изолирующих языках В.М.Солнцев в своей книге «Введение в теорию изолирующих языков» посвящает часть первой главы «Фонема и слог», которую заканчивает словами: «Итак, на современном этапе изученности изолирующих языков мы можем констатировать, что в них, как и в других языках мира, звуковая система представлена отдельными звуками, гласными и согласными, которые, с одной стороны, обладают функцией смысловыражения в широком смысле, с другой – используются для различения сонем и номем, т.е. имеют функцию смысловыражения. Это дает основание считать, что отдельные звуки в формоизолирующих языках имеют качество фонем» [7, с. 48].

Следующими из трёх основных единиц языка, которые выделил В.М. Солнцев, являются морфема и слово. Раскрытию сути определения этих единиц он посвятил всю третью главу упомянутой книги, так и назвав её «Морфема и слово». Рассматривая разные точки зрения по данной проблеме, он привлекает не только материалы изолирующих языков, но и материалы языков формосвязывающих. Не разбирая споры о том, что главнее, морфема или слово, остановлюсь на фактах дунганского и китайского языков. Факты дунганского языка говорят о том, что сначала появилось слово, а затем уже в результате словосложения появились сложные слова с двумя и более корневыми морфемами, которые в отдельных случаях становились также афиксальными. Языковое сознание носителей языка подтверждает данные факты.

Об этом же свидетельствуют материалы китайского языка. Иероглифическая письменность с момента своего возникновения фиксировала сначала простые

односложные слова, которые в результате словосложения становились сложными словами с двумя и более корневыми морфемами, отдельные из которых впоследствии становились афиксальными. Таким образом, обе эти единицы, т.е. морфема и слово, тесно между собой связаны.

III. Слог, морфема и слово в изолирующих языках. Хочу сразу оговорить, что слог, морфема и слово – это единицы разных уровней языка: фонетики, грамматики и лексики соответственно. Хотя внешне, материально, по звуковому составу, они могут совпадать, но по сути могут быть совершенно разными. Так, к примеру, как выше уже отмечалось, морфема, двусторонняя единица, не обладает синтаксической самостоятельностью, а слово, тоже двусторонняя единица, но обладает синтаксической самостоятельностью.

И тем не менее их трактуют по-разному. Разбирая два подхода насчет морфемы и слова, В.М. Солнцев пишет: «Если сравнить два понимания морфемы (по Бодуэну де Куртенэ и по Блумфилду), то общим в этих двух трактовках является идея минимальности. Различие же состоит в том, что в определении у Бодуэна указано отношение к слову (минимальная значимая часть слова), а в определении морфемы у Блумфильда указания на соотношение к слову не содержится» [7, с.60], [1, с.35], [2, с.200], [3, №4, с.200], [6, с. 56-127].

В существующей специальной литературе китайский однослог (моносиллаб) называют по-разному: словом, морфемой, словом и морфемой одновременно, а также слогоморфемой и слогофонемой. И что интересно, каждое из этих названий, вероятно, верно, поскольку в каждом конкретном случае конкретный исследователь видит в моносиллабе то, что он на данный момент хочет видеть. Благо природа однослога позволяет это делать: китайский моносиллаб «многолик».

Когда говорят о моносиллабе как о «слогоморфеме», думается, что под последним понимают «цзы», «ханьцзы». Значимый «моносиллаб», передаваемый на письме иероглифом, есть «цзы». А «цзы» - понятие и письма, и речи. Сложное же понятие «слогоморфема», судя по всему, именно из этих понятий: слог – отрезок речи, морфема (цзы) – письменный знак. Очевидно такое понятие моносиллаба самое распространенное. Однако следует заметить, что определение моносиллаба, как «слогоморфема», по всей видимости применено только там, где речь идёт о китайской письменности, о соотношении «языковых элементов» и знаков письма. Применение же его в остальных случаях может вызвать только путаницу.

Когда же называют моносиллаб «слогофонемой», то понимают его как единицу фонологическую. Понятие «слогофонема» согласно «слогофонемной» теории то же самое, что и понятие «звукофонема» согласно «звукофонемной» теории. За отдельно взятым моносиллабом в данном случае признаётся только фонологический статус. Таким образом, определение моносиллаба как «слогофонема» применимо лишь там, где речь идёт о фонологической системе китайского языка.

Что же касается «морфемной» трактовки моносиллаба, то, вероятно, здесь исходили из понимания «цзы» только как морфемы. Это верно, видимо, на каком-то этапе развития языка. Можно предположить, что первоначально в языке вообще не было никаких морфем (в китайском языке во всяком случае), а были только слова, причём только односложные. Предположение это подтверждают материалы древнекитайского языка. Если вспомнить ещё более ранние стадии развития языка, то сказанное становится совершенно очевидным. Поэтому, наверное, когда древнекитайские мудрецы создавали иероглифическую письменность, то они, конечно же, для каждого слова (а не для части его) подбирали иероглиф. Именно тогда между означаемым (словом) и означающим (иероглифом), наверняка, существовало одно-однозначное соответствие: одно слово – один иероглиф, один иероглиф – одно слово. Именно тогда «цзы», вероятно, совмещало и понятие «слово», и понятие «иероглиф». Это потом, на более поздней стадии развития языка, стали появляться двусложные и многосложные производные слова; и

моносиллаб уже можно было встретить как в самостоятельном употреблении, так и в составе сложного слова, в качестве его значимой части – морфемы. В связи с чем, конечно, и возникла необходимость дифференциации двух понятий – «слова» и «морфемы». Для понятия «слова» создали термин «цы», а за термином «цзы» оставили понятие «морфема» и «иероглиф». И как следствие, появилось два вида словаря: цзыдянь и цыдянь.

Если говорить о «словесной» трактовке моносиллаба, то нужно, по всей видимости, вспомнить, что каждый однослог, произнесённый в одном из четырёх тонов, - это односложное слово. И оно способно к самостоятельному функционированию. В условиях, когда в языке сегодня (не говоря уже о ранних периодах) односложные слова составляют солидную часть словарного состава китайского языка, такой подход не кажется безосновательным.

Другой подход, при котором значимый моносиллаб рассматривается и как слово, и как морфема, также представляется продуктивным и адекватно отражающим современную языковую действительность. Моносиллабы как односложные слова (как бы их не называли: «языковыми элементами», «первичными лексемами» и т.д.) составляют основной словарный фонд китайского языка. В большинстве случаев все они способны к самостоятельному употреблению. В то же время в языке сегодня имеется немало двусложных, трёх – и четырёхсложных слов. И их становится всё больше. В составе таких слов моносиллаб, естественно, выступает как морфема (корневая или аффиксальная).

Таким образом, каждое из рассмотренных здесь названий моносиллаба, безусловно, имеет своё основание, и дано оно в соответствии с тем подходом, который конкретный исследователь взял на вооружение при выполнении той или иной конкретной задачи, при написании той или иной конкретной работы. И споры, которые при этом время от времени возникают, кажутся естественными: они вызваны «многоликостью» китайского моносиллаба.

О функции китайского тона. О тонах в языках изолирующего типа написано, и вероятно, пишется немало работ. И всё же много ещё спорного в освещении этого, безусловно, важнейшего вопроса. Приходилось, например, читать и слышать разные мнения о том, свойством чего является тон: слова, слога или гласного. В обосновании каждого из них, конечно же, есть свой смысл и свой резон. Поэтому мы не ставим цели подробно рассматривать их вместе или в отдельности, а вкратце изложим наше понимание проблемы.

Начнём с того, что звук, слог и слово – это явление разного порядка. И у каждого из них свои признаки, составляющие суть его. У звука это, например, звонкость-глухость, у слога это, скажем, открытость-закрытость. Неотъемлемым свойством слова является ударение, в том числе и музыкальное, т.е. тон. Носителем ударения, конечно, может быть и слог, и отдельный звук (гласный). Но ударение не является постоянным признаком слога или гласного. Поэтому есть, вероятно, смысл говорить о двух аспектах ударения и тона: физическом и лингвистическом.

По своим параметрам тон может быть ровным, восходящим, нисходящим, длительным, кратким и т.д. И его непосредственным носителем, как уже отмечалось, может быть как слог, так и просто гласный. Но тоны, различаясь между собой, различают не слоги и не гласные, а односложные слова с одинаковым звуковым составом. В противном случае слогов и гласных в языке было бы в несколько раз

больше, а точнее во столько раз больше, сколько в языке тонов. В плане физическом тон имеет отношение и к слогу, и к отдельному звуку (гласному), но в плане лингвистическом тон – это постоянный признак односложного слова.

В этом отношении весьма показательны исследования тонов в дунганском языке, близкородственном китайскому. Дунганские тоны впервые были охарактеризованы Е.Д. Поливановым (1937). По его мнению, в дунганском языке три тона: I первый – ровный,

относительно длительный, II второй – нисходящий, относительно краткий и III третий – восходящий, также относительно краткий. Иная характеристика тонов дунганского языка содержится в работе О.И. Завьяловой (1979). На основе результатов экспериментально-фонетического анализа утверждается, что слияние первого и второго китайского тонов здесь происходит в позиции перед паузой, а в остальных случаях по-прежнему сохраняется четыре тона.

Таким образом, перед нами две разные характеристики тонов дунганского языка. И обе, безусловно, верные, обе соответствуют языковой действительности. Первая дана на основе данных слухового восприятия, удавливающего и учитывающего только главное, нужное для понимания в языковом общении, и опускающего второстепенное, а вторая – на основе результатов экспериментально-фонетического анализа, объективно фиксирующего всё: и главное, и второстепенное. Иными словами, в первом случае тоны в большей мере рассматриваются в лингвистическом плане, во-втором – в плане физическом. Ясно, что носителям дунганского языка да и всем говорящим на этом языке, конечно же, ближе поливановское понимание тонов, ибо им в языковой практике важно то, что улавливает их слух, а не физический прибор.

Различаясь между собой по названным Е.Д.Поливановым параметрам, тоны, как уже отмечалось, различают односложные слова с одинаковым звуковым составом: бо I «узел» - бо II «гарантировать», бо III «обнимать»; фу I «книга» - фу II «считать» - фу III «дерево» и т.д. Следовательно, функция тона – это функция смысловоразличения односложных слов с одинаковым звуковым составом.

Существует, однако, и иное понимание функции дунганских тонов. Так, например, Ю.Цунваза (1950) пишет: «Одной из специфических особенностей фонетической системы дунганского языка является произношение гласного тремя тонами». И там же замечает, что тон является важным средством словообразования. Аналогичную первую из точек зрения автора позже выскажет А.А. Москалёв (1961) по отношению к функции тонов в языках сино-тибетской семьи и сходной со второй – Т.Т. Мхитарян (1959).

Если принять первую из названных точек зрения, то тон следует считать дифференциальным признаком гласных, каковым он на самом деле не является. К тому же пришлось бы также признать, что гласных в дунганском языке втрое больше существующих. В действительности же тон различает односложные слова с одинаковым звуковым составом, а не гласные. Его функция в дунганском и китайском языке аналогична функции ударения в русских омографах типа мука-мука, замок-замок и т.д. Дунганское и китайское односложное слово без тона также немислимо, как и русские омографы без ударения.

О границах китайского слова. Модели сложных слов в языках изолирующего типа, в частности в китайском, аналогичны моделям словосочетаний. Это приводит к тому, что сложные слова и свободные сочетания слов имеют внешнее формальное сходство, например, хайма «морж» - хай ма «море и лошадь»; лихай «сильный» - ли хай «польза и вред»; дунси «вещь» - дун си «восток и запад».

Данный факт не раз приводил лингвистов или к отрицанию наличия сложных слов в китайском и родственных ему языках, или к выводу о невозможности разграничения в них сложного слова и словосочетания.

Однако Е.Д.Поливанов ещё в начале 30-х гг. XX века указывал на наличие фонетических различий между словом и словосочетанием в китайском и дунганском языках. А в наши дни подтвердил это проф. МГУ М.К.Румянцев результатами экспериментально-фонетических данных. Кстати, Е.Д.Поливанов, насколько нам известно, первый заметил, что в дунганском языке нелегко отличить сложное слово атрибутивно-именного образования от словосочетания аналогичной модели, например: кэшуи «кипяток» и лян шуи «холодная вода». И он же заметил, что сложное слово при инверсии (составных элементов) рушится, а словосочетание – становится предложением: кэшуи «кипяток» - шуикэ (ничего не означает), но лян шуи «холодная вода» - шуи лён

«вода холодная».

В настоящее время исследователи китайского языка также используют различные грамматические операции и характеристики для разграничения сложного слова и словосочетания. Китайские сложные слова могут оформляться показателем множественности – мэнь, например: гунженьмэнь «рабочие» и др. Они также способны сочетаться с суффиксами – эр и-цзы, которые оформляют слово в целом, например: цишур «газированная вода», цилузы «газовая печь» и др.

Сложное слово обладает синтаксической самостоятельностью. Сложное слово относится к определённому лексико-грамматическому классу слов, к определённой части речи.

При этом изменение категориальной принадлежности образования рассматривается как признак сложных слов, например: кайгуань «выключатель», «рубильник» (от кай «открывать» и гуань «закрывать»). Аналогичные примеры из дунганского языка: циньчжун «вес» (от цинь «лёгкий» и чжунь «тяжёлый»), юаньцзинь «расстояние» (от юань «далеко» и цинь «близко») и др.

Переходными, или промежуточными, случаями являются глагольно-объектные комплексы типа чифань «кушать», «есть» (от чи «есть» и фань «лапша»), цзулу «ходить», «идти» (от цзу «идти» и лу «дорога»), няньшу «учиться» (от нянь «читать» и шу «книга»). С одной стороны, они обладают всеми свойствами отдельного слова: воспроизводимостью, фонетической и морфологической цельнооформленностью, синтаксической самостоятельностью; с другой – допускают вставки между составными частями дополнительного элемента, например: чифань «есть» - чи сан ци фань «есть три раза» и др. Эти сложные комплексы стали осознаваться как отдельное слово, вероятно недавно. Но тенденция перехода их от словосочетания к слову прослеживается весьма чётко. Аналогичные явления наблюдаются и в дунганском языке, например: мацжан «ссориться» (от ма «ругать» и чжан «война»), кэтай «молиться» (от кэ «стучать», «бить» и тай «голова») и др.

Но в дунганском языке грамматические показатели выражены ярче, чем в китайском. В частности, дунганские глагольные формы времени были отмечены ещё Е.Д.Поливановым и А.А.Драгуновым. В данном случае рассматриваемые сложные комплексы оформляются единой глагольной формой времени, например: мацжанли «ссорились», мацжандини «ссорятся», мацжанни «будут ссориться» и др. Вместе с тем сложные комплексы могут быть разъединены вставкой глагольного показателя времени, например: мацжан-мали чжанли, кэтой-кэли тоули и др. Всё это свидетельствует о том, что аналогичные сложные комплексы, как правило, находятся в процессе лексикализации. Они обнаруживают как признаки слова, так и признаки словосочетания. С одной стороны, каждый из них выражает одно понятие, обладает воспроизводимостью, единой фонетической и морфологической оформленностью, являются членом предложения; с другой – при образовании формы прошедшего времени, например, целостность его легко разрушается, и он как бы вновь возвращается к своей исходной форме – становится словосочетанием.

Таким образом, вопрос о разграничении сложного слова и словосочетания не является праздным, и порождён он реалиями конкретного языка, в данном случае реалиями китайского языка. Специалисты находят пути и средства его решения. И ныне всё меньше становится сомневающих в его решении, и отрицающих наличие сложных слов в китайском языке становится также меньше.

Все рассмотренные выше проблемы при исследовании китайского и других языков изолирующего типа действительно существуют. Это проблема определения частей речи (лексико-грамматических классов слов). Это проблема установления наименьших фонологических единиц. Это проблема разграничения и различения однослога от внешне аналогичной морфемы и внешне аналогичного слова. Сложности изучения всех этих проблем составляют суть и особенности такого рода исследований. И если при их

рассмотрении они не входят в рамки обычного подхода, то вряд ли стоит отрицать наличие в изолирующих языках таких языковых универсалий, как части речи, фонемы, морфемы и слова.

Список цитируемых источников

1. Бондарко Л. В. Структура слога и характеристика фонем. «ВЯ», 1967, №1.
2. Гальцев Н.И. Введение в изучение китайского языка. – М., 1962.
3. Гао Минкай. Проблемы частей речи в китайском языке. – Вопросы языкознания. 1955, №3.
4. Драгунов А.А.. Исследования по грамматике современного китайского языка. – М., 1952.
5. Имазов М.Х. Фонетика дунганского языка. Фрунзе, 1975.Х.. Фонетика дунганского языка. Фрунзе, 1975.
6. Коротков Н.Н.. Основные особенности морфологического строя китайского языка. – М., 1968.
7. Солнцев В.М. Введение в историю изолирующих языков. – М., 1995.

Шисыр И.С. – доктор филологических наук, профессор КНУ им. Ж. Баласагына
Токсоналиева С.М. – доктор PhD, доцент КНУ им. Ж. Баласагына